

ЭТНИЧЕСКИЙ АНКЛАВ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. А. Бажан

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова;
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Россия

Статья посвящена проблеме этнического иммигрантского анклава в современной России. Возможность появления устойчивых и закрытых сообществ обусловлена не только массовым притоком инокультурных иммигрантов и их концентрацией в определенных регионах, но и несовершенством государственной политики в сфере миграции и межнациональных отношений. Так, недооцениваются риски, порождаемые анклавом. Недостаточное внимание уделяется исследованию специфики их экономической деятельности, осуществляемой преимущественно в теневом секторе. Среди экономических, политических, правовых, социальных причин, обусловивших возможность образования анклавов, особую роль играет отсутствие социокультурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов как государственного института. Отсюда не ясны цели деятельности в области интеграции, расплывчаты задачи, туманны ожидаемые результаты, негативны итоги. В статье рассмотрено отражение оценки данного явления в документах стратегического планирования. Проанализированы различные подходы к пониманию анклава и обозначению его сущностных особенностей; условия формирования анклава в связи со сложившейся миграционной ситуацией и особенностями экономического, политического, социокультурного развития нашего общества; проблема анклава в связи с рисками и угрозами, порождаемыми его деятельностью. Уточнены имеющиеся и выявлены дополнительные признаки анклава, формирующиеся в российской ситуации; установлены причины его образования и условия, обеспечивающие деятельность. На основании рассмотрения подходов к изучению этого явления и диагностики этнического сообщества в качестве анклава разработаны предложения для проведения комплексного междисциплинарного исследования, результаты которого будут необходимы для развития государственной миграционной политики и противодействия образованию этнических иммигрантских анклавов. Кроме того, сформулированы предложения для коррекции условий, способствующих образованию и развитию этнических анклавов иммигрантов.

Ключевые слова: миграционная политика, политика в сфере межнациональных отношений, незаконная миграция, теневая экономика, коррупция в сфере миграции, социокультурная интеграция мигрантов.

ETHNIC ENCLAVE AS SOCIAL AND ECONOMIC PHENOMENON IN TODAY'S RUSSIA

Tatyana A. Bazhan

Plekhanov Russian University of Economics;
National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute),
Moscow, Russia

The article deals with the problem of ethnic immigrant enclave in today's Russia. Possibility of stable and closed communities rise is stipulated not only by mass inflow of migrants of different cultures and their concentration in certain regions but also by underdeveloped state policy in the field of migration and inter-ethnic relations. In this way risks raised by enclaves are underestimated. Insufficient attention is paid to researching features of their economic activity, mainly in the shadow sector. Among economic, political, legal and social reasons that envisage possibility of enclave formation the absence of socio-cultural adaptation and integration of foreign migrants is of utmost importance. Therefore, goals of this work in the field of integration are vague, objectives are unclear, expected results are hazy and results are negative. The article studies assessment of this phenomenon given in documents of strategic planning. Different approaches to understanding the enclave and its characteristics were analyzed; conditions of enclave forming in view of current migration situation and specific features of economic,

political and socio-cultural development of our society were investigated and the problem of the enclave in connection with risks and threats caused by its existence were studied. Current signs of the enclave were specified and supplementary indicators were identified as they can be formed in the Russian situation; reasons for its rise and conditions providing its existence were found. On the basis of studying the approaches to researching this phenomenon and diagnostics of ethnic community as an enclave propositions were elaborated for the complex interdisciplinary investigation, whose results could be necessary for the development of state migration policy and struggle against ethnic migrant enclave formation. Apart from that, suggestions for correcting conditions causing formation and development of ethnic migrant enclaves were put forward.

Keywords: migration policy, policy in the field of inter-ethnic relations, illegal migration, shadow economy, corruption in the field of migration, socio-cultural integration of migrants.

Проблема этнического анклава привлекает внимание и ученых, и практиков, и общественности.

Тем не менее до сих пор не выработаны общепринятое определение указанного феномена и его ключевые признаки. Многие исследователи отмечают, что проблема этнического анклава пока не получила достаточной разработки [19]. Не все исследователи признают наличие этнических анклавов в России, хотя и не отрицают факта особой этнической консолидации иммигрантской среды. Так, в обустроенных и заселенных регионах России возникают этнические сообщества, деятельность которых не совпадает с традициями и нормами принимающего общества.

В зарубежной науке аналогичные явления давно изучаются. Анклавы в целом могут иметь универсальные признаки. Вместе с тем особенности их деятельности и конкретные характеристики определяются не только особенностями самого этноса, но и правовыми, социокультурными, экономическими условиями страны пребывания. Поэтому для понимания феномена анклава в российских условиях одного зарубежного опыта недостаточно – потребуются исследования, которые позволят установить российские реалии, ставшие причинами его формирования и развития, определившие его место и роль в нашем обществе, выявить формируемые им риски, выработать ориентиры для формирования государственной политики на данном направлении.

Первоначально анклав рассматривался как некая тенденция, сопутствующая развитию многокультурности в условиях мас-

совых международных миграций. В силу настойчивой популяризации идеи культурного разнообразия данная тенденция представлялась социально приемлемой и универсальной. Например, исследователи Н. Демирева и В. Цвизен не усматривают негативного влияния анклава на большинство (имеются в виду представители принимающего европейского населения, вынужденные проживать в анклавных районах). При этом авторам пришлось признать, что сам факт их проживания в этническом анклав в значительной мере повышает вероятность того, что на выборах местные будут голосовать за правую националистическую партию, а степень удовлетворенности демократией у них значительно снизится [23].

Западные модели политики в области миграционных и межнациональных отношений представлялись достаточными для объяснения анклавных симптомов в России. Такой подход, базировавшийся на синтезе либеральных и мультикультуралистских представлений, позволял не замечать появления таких образований и игнорировать их тревожные признаки. Признавалась лишь вероятность их появления в будущем. Подобные утверждения традиционно обосновываются культурными отличиями иммигрантов от принимающего населения и сегрегацией, вызванной беспочвенными фобиями и нетолерантностью местных. Отсюда следует, что принимающему обществу не о чем беспокоиться, а усилия государства следует направить на поддержку иммигрантов и борьбу с мигрантофобией. К подобному выводу, например, пришли московские

исследователи, изучавшие вопрос о том, есть ли этнический анклав в подмосковном городе Котельники. Хотя было отмечено, что в районах этого города наблюдается постепенное снижение доли русских жителей и увеличение доли мигрантов, причину объяснили «неприятием мигрантов» [1. – С. 67].

Опираясь на иные методологические основания, сторонники другого подхода к пониманию этнического анклава в российском обществе сходятся в одном: формирование этнических анклавов из представителей титульных наций других государств является не умозрительным конструктом, а свершившимся фактом [19]. Причинами их образования называются не надуманные страхи населения, а вполне объективные основания: значительный объем внешней миграции; неудовлетворительный иммиграционный контроль; неумение государства регулировать и рационально распределять по своей территории многомиллионные потоки иностранцев; отсутствие системы их адаптации и интеграции в российское общество и др. С этим связывается возможность формирования рисков дестабилизации общества и угроз безопасности государства.

Такая оценка данного явления получила отражение в документах стратегического планирования Российской Федерации. Формирование замкнутых этнических анклавов отнесено к внутренним экстремистским угрозам¹. Противодействие их формированию рассматривается в качестве одного из путей обеспечения государственной и общественной безопасности², а также важнейшего направления миграционной политики в области борьбы с нарушениями миграционного законодатель-

ства и коррупционными нарушениями в сфере миграции³.

Многие российские исследователи разделяют подобную оценку. Е. Б. Бедрина и Д. А. Паньшина отмечают, что «анклавизация в целом является негативным явлением как с точки зрения принимающего сообщества, так и с точки зрения мигрантов» [3. – С. 554]. Негативные проявления в деятельности иммигрантских этнических сообществ актуализируют необходимость определиться с понятием «этнический анклав» в привязке к российским условиям. Это важно и с научной, и с практической точки зрения. Традиционно в качестве характеристик анклава называют этническую общность иммигрантов, их компактное проживание на определенной территории, наличие самобытных культурных и поведенческих особенностей, отличающих иммигрантов от принимающего населения, наличие особых социально-экономических связей и отношений. На такие признаки анклава указывают Е. Л. Самарина [14], М. В. Ульянов [19], Л. А. Кононов [11] и др. М. В. Ульянов в этой связи добавляет существенные детали: на предприятиях, связанных с анклавом, работают преимущественно иммигранты. Их потребителями в значительной мере являются сами иммигранты. И самое, на наш взгляд, важное – анклав способен затруднять (а порой исключать) интеграцию его членов в принимающее общество [19].

В западной традиции разработаны и используются методы установления степени концентрации иммигрантов на определенной территории, а также другие характеристики анклава [4; 12]. Результаты их применения используются в практической работе принимающих государств с иммигрантами. С помощью учетных данных и

¹ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555>

² См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

³ См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 342). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/?ysclid=m6ey4qz0d1171891656

математических методов устанавливаются: а) количество проживающих иммигрантов на определенной территории; б) количество проживающих местных жителей на определенной территории; в) соотношение установленных величин, указанных в пунктах а и б. На основании полученных данных делается вывод о наличии/отсутствии этнического анклава на конкретной территории, а также вырабатываются стратегии работы с иммигрантами и с местным населением. Таким образом, привязка к определенному административно-территориальному образованию и выявление указанных количественных параметров выступают основой организации работы.

Некоторые наши исследователи предлагают использовать такой метод в России для установления наличия/отсутствия этнического иммигрантского анклава в определенном административно-территориальном образовании (например, такие предложения направлялись в один из президентских советов). Привлекателен такой подход наукообразным цифровым обликом. Он удобен и как обоснование для бюджетного финансирования (например, мероприятий по воспитанию толерантности). Но даст ли его применение объективный результат? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, имеются ли в российском административном поле инструменты для достоверного установления количества жителей и иммигрантов и, соответственно, степень концентрации последних. Во-первых, оставляет желать лучшего учет коренного населения. Во-вторых, никто не знает точное количество иностранцев, находящихся на территории страны. Миграционная статистика (исчезла с сайта МВД России в 2024 г.) давала информацию лишь о количестве фактов постановки на миграционный учет (ранее – о первично поставленных на миграционный учет), а не о реальных людях, которые физически находятся в российском социуме. В-третьих, неподдающаяся никакому учету (кроме коммерческого) львиная доля иностранцев, годами неза-

конно работающих и пребывающих в России, невидима для государственных и муниципальных органов. Во-четвертых, отсутствует контроль за реальным расселением людей, включая сферу аренды жилья и проживание в помещениях, не числящихся жилыми. В-пятых, до сих пор не созданы правовые основания для учета иммигрантов первого, второго и уже третьего поколений, имеющих российское гражданство. При использовании только количественного метода данная аудитория будет отнесена не к иммигрантам (иммигрантскому сообществу, членами которого они являются), а к местным жителям. Использование такого метода при отсутствии должного инструментария и достоверных исходных данных приведет к предсказуемому, но далекому от истины выводу: ни в муниципальных образованиях, ни в субъектах Федерации, ни в Российской Федерации анклавов нет. Есть лишь некие тенденции, сопутствующие расширению культурного разнообразия.

Вызывает тревогу предложение о применении этого метода (количественное соотношение жителей и иммигрантов) для того, чтобы лишить российские регионы права ограничивать расселение иностранцев на своей территории в случае их высокой концентрации. Соответствующее предложение содержится в пункте 6 статьи 9 проекта Федерального закона «Об условиях въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также условиях их пребывания и проживания на территории Российской Федерации» (в ред. от 21 марта 2024 г.). В проекте отмечается, что «высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов) субъектов Российской Федерации вправе устанавливать на всей территории субъекта Российской Федерации или ее части нормативы (квоты) расселения иностранных граждан исходя из процентного соотношения числа иностранных граждан

и граждан Российской Федерации»¹. Данное предложение представляется лукавством, так как результат процентного соотношения и в этом случае предопределен заранее, поскольку концентрация инкультурных иммигрантов в регионе невелика, а значит, ограничение массового притока их соплеменников неправомерно.

Рассмотренный количественный метод, успешно работающий в ряде западных государств, пока преждевременно вводить в России. Но это связано не с тем, что европейцы не страдают фобиями и более толерантны. Важнейшая причина – наличие более жесткого учета иммигрантов и жителей, а также его сопряжение с порядком предоставления социальных благ и действенным налоговым контролем.

Л. А. Букалорова и Р. М. Кашапов иллюстрируют применение таких методов за рубежом. В Дании определенная административная территория признается анклавной («гетто»), если количество иностранцев (иммигрантов и их потомков из незападных стран) превышает 50% [5. – С. 101–102]. Напомним, что подсчитать реальное количество проживающих в определенном административном районе и установить среди них долю новых жителей возможно только в том случае, если имеется эффективный учет проживающих местных и иммигрантов. В Дании такой учет есть. Актуализируемые списки районов «гетто» составляются на основе установленных критериев и учитывают уровень дохода, безработицы среди проживающих и др. Должный учет населения позволяет налоговой системе видеть всех (и граждан, и иммигрантов), а государству – регулировать расселение иммигрантов и др. В этой связи зная, сколько иммигрантов проживает на определенной территории, каково достоверное количественное соотношение их с местными жителями, можно и контролировать ситуацию, и рационально планировать расходы бюджета на социальную сферу.

В перспективе отдельные срезы датского опыта могут быть применены и в России. Но для этого потребуются организация учета иммигрантов и постоянный контроль за их пребыванием; установление тотального контроля государства за доходами иммигрантов и их трудовой деятельностью, а также кардинально минимизировать теневой сектор экономики. В настоящее время механическое перенесение такого опыта на российскую почву преждевременно.

До недавнего времени обращение к зарубежной теории и практике имело почти обязательный, а порой и догматический характер. При этом настойчиво рекомендовались лишь те зарубежные наработки, которые не вносили здоровый рациональный импульс в политику государства (контроль за миграционными потоками, дифференцированный подход к мигрантам, контроль за их пребыванием и работой и т. д.), а подталкивали нашу страну к полному разрушению контроля в сфере миграции; переводу документирования иностранных граждан из зоны государственной ответственности в сферу коммерции и др.; неуклонному росту иммиграционного притока; максимальной отмене барьеров, ограничивающих внешнюю миграцию; усугублению ситуации, которую «можно охарактеризовать как преимущественный приток «мускулов», а не «мозгов»» [16. – С. 264]; отказу от создания результативной государственной системы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов и продолжению процесса дорогостоящей ее имитации; усилению давления на принимающее население под прикрытием борьбы с ксенофобией; окончательному разрушению исторически сложившегося этнокультурного баланса – оплота России как государства-цивилизации.

При этом опыт зарубежных стран по построению эффективного иммиграционного контроля и управлению миграционными потоками, как правило, не попадал в зарубежные рекомендации для России. Ни в соответствующих рекомендациях, ни в

¹ URL: <https://base.garant.ru/56883645/?ysclid=m6eygcfgoy170615918>

документах Международной организации по миграции и других международных организаций, трудно найти предложения о мерах, анализируемых в исследовании Л. А. Букалеровой и Р. М. Кашапова. Так, в Дании законодательством устанавливаются квоты на проживание в районах иммигрантов, а также квоты на количество иностранных учеников в школьных классах. Жителям районов «гетто» удваиваются наказания за определенные преступления. Введены обязательные требования в области интеграции, а дети с иммиграционной историей в возрасте от одного года в обязательном порядке направляются в дошкольные учреждения (25 часов в неделю) с целью изучения государственного языка и интеграции в детскую среду. Установлена квота для иностранцев на приобретение и аренду жилья в «гетто» – не более 40%. Если иностранец нарушает закон, его выселяют вместе с семьей из социального жилья. То же самое происходит с семьей иммигрантов, если один из детей совершает преступление. При поступлении в школу дети проходят обязательные языковые тесты. Если результаты окажутся неудовлетворительными, родители обязаны самостоятельно повышать их уровень владения языком [5. – С. 101–102].

Важно учитывать, что в российском обществе далеко не все этнические иммигрантские сообщества становятся анклавными. К примеру, не известны анклавы, созданные выходцами из европейских государств. В то же время сообщества иммигрантов, прибывших из ряда бывших советских республик, обладают соответствующими признаками.

Перспективную авторскую концептуальную разработку, которая даст возможность панорамно и системно исследовать этническое анклавное сообщество, определить его состояние, установить тенденции развития, сделать выводы для практической работы, предложил Л. А. Кононов [11. – С. 63–64]. Разработка включает типологию анклавов, основанную на анализе таких данных, как количество мигрантов

(крупные, средние, мелкие анклавы); виды иммиграционных потоков, формирующих анклав (преобладание иностранных граждан, внутренних мигрантов, анклавы смешанного типа); страны исхода мигрантов; доминирующие виды мигрантов (трудо-вые мигранты, переселенцы, вынужденные мигранты без признака доминирования); масштаб занимаемой территории. К этому добавляется, на наш взгляд, важный социально-психологический критерий – глубина анклализации мигрантов. Последнее позволяет дать оценку устойчивости анклава к внешним воздействиям, в первую очередь к возможным мерам воздействия на анклав со стороны государства. К сообществам с повышенной глубиной анклализации мигрантов (особая группа сообществ по данной типологии) могут быть отнесены именно те иммигрантские объединения, которые характеризуются наиболее опасными признаками, порождающими риски для различных сфер общественных отношений.

Подчеркнем, данный подход не предполагает манипуляции со среднепотолочными показателями, а создает платформу для реального учета и анализа тех качеств, которые являются источником общественных настроений в связи с миграцией. Предлагается также исследовать анклав по следующим срезам: по доминирующим мотивам анклавного образа жизни мигрантов; уровню опасности для принимающего общества (опасность, угроза); по доминирующему виду опасности, исходящей со стороны анклава; уровню социально-экономической значимости для принимающего общества; доминирующим отношениям в анклав; доминирующему этносу в анклав; доминирующей религии в анклав; характеру доминирующих трудовых отношений в анклав [11. – С. 64].

По сути, разработана оригинальная методология исследования сообществ, имеющих признаки этнического анклава, сформировавшегося в российских условиях, основываясь на которой Л. А. Кононов предложил методику противодействия

анклавизации мигрантов, которая включает два комплекса мер: для предотвращения анклавизации иммигрантов и для деанклавизации иммигрантов (деанклавизация – «целенаправленное разрушение анклавного образа жизни мигрантов посредством применения разработанных для этого мер» [11. – С. 67]). Идея деанклавизации объективно востребована. Представим, что произойдет ужесточение миграционной политики, закроются двери для нежелательных элементов и в страну будут организовано приезжать только те, кто объективно востребован экономикой и обладает высоким интеграционным потенциалом. Но и в этом случае на территории России останутся прибывшие ранее миллионы неадаптированных и неинтегрированных иммигрантов, немалая часть которых имеет право на законное пребывание и проживание. Депортация такого количества нереальна. Возможны два сценария их существования в России: либо продолжится процесс анклавизации, либо будут приняты меры для интеграции новых жителей в российское общество. Второй сценарий потребует создания необходимых условий, которые разрушат привлекательность анклава, сформируют интеграционную мотивацию и осуществят социализацию его членов. В этой связи приведем еще одно замечание Л. А. Кононова. «На пути деанклавизации также возможно принятие радикальных мер в виде решений органов государственной власти, органов местного самоуправления о разрушении инфраструктуры, формирующей анклавный образ жизни мигрантов (примером тому может служить прекращение работы Черкизовского рынка в Москве, приведшее к распаду анклава мигрантов, работающих на этом рынке)» [11. – С. 68].

В рамках изучения сообществ подобного рода, сформировавшихся в российских условиях, могут применяться количественные и качественные методы исследования. Важно, чтобы были учтены все признаки анклава, способные создавать напря-

женность в обществе. В их числе следующие.

1. Этнический анклав – не просто союз носителей общей этнокультурной идентичности, объединившихся в своего рода землячество на чужбине. Его точкой сборки (интеграционным стержнем) выступает *этнический бизнес* или особый экономический уклад (по определению М. В. Ульянова [19]). Такой бизнес зачастую является теневым и осуществляется в самых непрозрачных сферах экономической деятельности. По данным Центрального банка Российской Федерации, основной спрос на теневые финансовые услуги в первом полугодии 2023 г., как и в аналогичном периоде прошлого года, формировался в строительной отрасли (37%), торговле (29%) и сфере услуг (19%) [17]. Именно указанные сферы являются наиболее мигрантоемкими. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и криминальный этнический бизнес.

Теневой бизнес напрямую связан с незаконным трудом иностранцев в России, размах которого и негативные последствия не стоит недооценивать. «Говоря о влиянии трудовой, часто нелегальной, деятельности членов анклавов на экономику государства, следует иметь в виду угрозу экономической стабильности для принимающей стороны» [22. – С. 394]. В анклавном бизнесе персонал подбирается преимущественно по этническому признаку, что выступает своего рода особой *организацией производства*, принося существенные выгоды: групповые модели поведения [24], используемые в рамках этнического бизнеса, расширяют возможности и достижения успеха предприятия.

Сложилась устойчивая неконтролируемая схема привлечения мигрантов для трудовой деятельности преимущественно в форме теневой занятости. В дальнейшем это формирует риски в области социально-экономических отношений и «способствует аутопоэзису формирования коррупционных замкнутых пространств» [7. – С. 123]. Гибкая и экономичная рабочая сила, навигация между неформальным сек-

тором и формальной экономикой могут составлять преимущество перед автохтонными предпринимателями и помогать в запуске бизнеса и управлении им [25]. На сложных бизнес-объектах (крупные рынки) зафиксирована своего рода полиэтническая специализация, когда разные сферы деятельности поделены между различными этническими сообществами (одним принадлежит бизнес, другие выполняют роль внутренней силовой структуры, удел третьих – низовые торговые функции и т. д.).

2. В российских условиях устойчивые этнические сообщества иммигрантов, имеющие признаки анклага, как правило, состоят из представителей *титულიй нации другого государства*.

3. Культурное своеобразие подобных сообществ может приобретать *более радикальные формы*, чем на исторической родине (этнокультурные и религиозные идеи и стандарты поведения, проявления во внешности и одежде и др.). Данному процессу отчасти способствуют правительства государств-доноров, жестко противодействующие радикализму на своих территориях. Такая политика выталкивает радикалов и их семьи в эмиграцию. Самой доступной страной, где довольно легко и удобно осесть (законно или незаконно), является Россия (открытые границы, минимальный миграционный контроль, всемогущество диаспор-анклавов, коррупционное посредничество, дружелюбное и несплоченное население). Поэтому в России достаточно свободно образуются иммигрантские сообщества, восприимчивые к фундаменталистским и экстремистским настроениям, несущие очевидную угрозу для национальной безопасности нашей страны [22]. Параллельно растет доля преступлений террористической и экстремистской направленности, совершенных иностранными гражданами [5]. В исследовании Е. В. Виноградовой, М. Н. Кобзарь-Фроловой и Л. Н. Сморгачевой установлено, что следствием деятельности иммигрантского анклага является «рост латент-

ности преступности с участием мигрантов на территории их пребывания» [6. – С. 166].

4. По нашему мнению, при изучении этнического сообщества иммигрантов не стоит абсолютизировать признак компактного проживания. В российских условиях члены сообщества анклавного типа расселяются в зависимости от ситуативных факторов и материальных возможностей. Поэтому они проживают и *компактно* (в одном микрорайоне, районе города), и *дисперсно* (в различных районах города), и *смешанно*. Так, руководство анклага, хозяева этнического бизнеса не проживают там, где концентрируется основная масса его небогатых членов, например, в мигрантских кварталах города Котельники.

Помимо материальных возможностей, на характер расселения иммигрантов оказывают влияние бизнес-интересы анклага. В этом плане российская ситуация не уникальна. Х. Валенсуэла-Гарсия, С. Парелла, Б. Гуэль, изучая экономическую составляющую этнических анклавов, выявили модели (в том числе) экстерриториального расселения его членов. Подселение определяется спецификой анклавной экономики и ее отличиями от экономической деятельности, осуществляемой в неанклавном формате [25].

Важно отметить, что при любом типе расселения членов анклага сохраняются его устойчивость и закрытость.

5. Анклавное сообщество всегда *четко упорядочено*, отличается высокой организованностью и мобильностью [13. – С. 109–110]. В его структуре можно выделить три основные группы: 1) руководство анклага, как правило, совпадающее с руководством этнического бизнеса; 2) публичный истеблишмент (его представители являются членами различных консультативных советов, тесно связаны с властными структурами); 3) рядовые члены анклага – основная рабочая сила этноанклавного бизнеса, а также члены их семей.

6. Дисциплина поддерживается не только общностью этнического происхождения и общего вероисповедания. Применяется

система поддержки послушных членов и *по-рицаний (наказаний)* для тех, кто проявляет излишнее своеволие. В этих целях анклавные сообщества располагают неформальным финансовым фондом и внутренней силовой структурой. Последняя используется для решения как внутренних, так и внешних проблем анклава.

7. Сделаем предположение о том, что в российских условиях *степень закрытости анклавного сообщества прямо пропорциональна использованию им неправовых методов* для достижения своих целей (незаконная трудовая деятельность, сокрытие доходов от налогообложения, неизбежное в этом случае отмывание преступных доходов, коррупционные схемы, организация незаконной миграции, давление на местное население). Основанием такого предположения служит неоднократно отмечавшееся в литературе использование этническими сообществами криминальных методов достижения своих целей [20]. Организованные по этническому принципу группы, выполняющие внеправовые силовые задачи, используются верхами анклавов для отмывания денежных средств, добытых преступным путем, финансирования преступной деятельности (включая террористическую), для контрабанды, обеспечения схем нелегальной иммиграции [13. – С. 105–106]. По оценке Л. А. Кононова, «в замкнутых анклавах мигрантов на территории Российской Федерации действует своя неформальная юрисдикция» [11. – С. 63].

8. Процесс анклавизации иностранных мигрантов сопровождается *давлением на население*. В 2012–2013 гг. в рамках одного из исследований было установлено, что «социальное самочувствие русского населения московского региона... нельзя назвать благополучным». А некая часть жителей Подмосковья «подумывает о собственной эмиграции из родных мест..., в том числе и по причине миграционного прессинга» [10. – С. 78]. Иммигранты, «утвердившись на новом месте экономически, наладив контакты с местной бюрократией, не только не интегрируются в мест-

ное общество, а наоборот, диктуют местному населению свои ценности, привычки, обычаи. Они не хотят расширять свой круг, сохраняют диаспоральную замкнутость» [10. – С. 4, 7]. Важно понимать, что дело не только в желаниях рядовых членов анклава. Дело в том, что его руководство не заинтересовано в их интеграции. Такая особенность выявлена давно [22. – С. 61]. Кроме того, нужно учитывать и антиинтеграционные установки, которые формируются в странах исхода (определенную роль в этом играет антироссийское содержание некоторых школьных курсов).

9. Анклав интегрирует иммигрантов в свою среду, а не в российское общество. Такой прием условно назовем *искусственной сегрегацией*. Он выражается в следующем: а) сообщество не помогает соотечественникам в изучении русского языка, истории, культуры и традиций России, не нацеливает их на законное проживание и работу, на соблюдение норм традиций нашего общества; б) в их сознании создается образ принимающего социума как опасного и враждебного; в) формируется убеждение в том, что высокие нравственные ценности возможны только в *своей* среде, а *чужие* (принимающее население) живут неправильно и их ценности ничтожны. Конечно, здесь дело не в самих ценностях. Их набор идентичен у всех народов (лишь в различных исторических ситуациях может меняться их иерархия). Проблема в другом, на какой круг людей следует распространять свои ценности (т. е. кого нельзя убивать, обкрадывать, насиловать, обманывать). «Общество вне анклава может рассматриваться как чуждое и даже враждебное по своей сути просто потому, что оно другое» [8. – С. 30]. Соответственно, все запреты, которые надо обязательно соблюдать по отношению к своим (за их нарушение неминуемо следует жесткое наказание, которое затронет и нарушителя, и его родственников), могут отменяться по отношению к чужим.

Факт того, что миллионы иммигрантов не считают нужным соблюдать российские

законы (пребывают и работают нелегально, не платят налоги, совершают другие правонарушения и преступления), только экономическими интересами иностранцев не объяснишь. Вряд ли конструктивно объяснение, сводящее проблему к уязвимости мигранта в стране приема. Определенная роль в таком положении дел принадлежит указанной аксиологической особенности миропостижения членов анклава, которая проявляется в правовой и экономической деятельности.

10. *Тесные связи сообщества со страной исхода* (коммерческие, финансовые, социальные, политические и др.). В первую очередь необходимо упомянуть денежные переводы в государства-доноры, которые, по оценке МВФ, обеспечивают доход миллионам людей, проживающих там [21]. Согласно отчету Всемирного банка, официальные денежные переводы в страны исхода мигрантов выросли на 1,4% до 656 млрд долларов в 2023 г.¹ Немалый вклад в развитие своих стран вносят и переводы мигрантов из России в страны СНГ. В 2021 г. из России в страны СНГ сумма трансграничных переводов физических лиц (резидентов и нерезидентов) составляла 12,856 млрд долларов, сумма денежных переводов – 7,6 млрд долларов. По информации Межгосударственного статистического комитета СНГ, денежные переводы, направляемые мигрантами из России в Киргизию в 2016 г., составляли 30% от ВВП страны, в Таджикистан – 27%².

Страны исхода получают значительные денежные средства от трудовой миграции своих граждан, решают социальные проблемы жителей. Кроме того, решается проблема избытка населения (при теку-

щей социально-экономической ситуации часть жителей просто не найдет себе рабочее место). Как отмечалось выше, государства исхода под маркой трудовой миграции избавляются от проблемной части своих сограждан: бывшие уголовники, экстремисты и даже лица, связанные с террористическими организациями, мигрируют в Россию, создавая проблемы принимающему сообществу.

Трансграничный характер предпринимательской модели обеспечивает связь бизнеса в стране нахождения со страной исхода иммигрантов [24]. Набор персонала (вербовка мигрантов с исторической родины) становится со временем звеном (сегментом) самого бизнес-предприятия (своего рода кадровой службой, приносящей самостоятельный и значительный доход).

Перечисленные признаки, образующиеся в процессе деятельности этнического иммигрантского анклава, формируют риски ухудшения криминогенной ситуации, укрепления теневого сектора экономики, дестабилизации межнациональных отношений и др.

Среди комплекса рисков необходимо выделить риски коррупционного, политического и геополитического характера, способные вызвать негативные необратимые последствия для нашей страны:

1. Риски и угрозы, порождаемые *коррупцией в миграционной сфере*, анализируют многие исследователи [8]. Результаты исследований указывают на непосредственную связь между уровнем коррупции и асоциальными интересами анклава. Закрытое этническое сообщество иммигрантов остро нуждается в коррупционной обслуге. Это обусловлено тем, что анклавы осуществляют экономическую деятельность преимущественно в теневом секторе, поощряет незаконный труд и различные формы делинквентного поведения своих членов (от нарушений этических и культурных норм до преступлений экстремистского и террористического характера). В данном случае коррупция – не отдельный недостаток или частный случай, а

¹ Remittances Remain Resilient but Likely to Slow. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/06/13/remittances-remain-resilient-likely-to-slow> (дата обращения: 28.03.2024).

² Денежные переводы мигрантов: источники информации (отчетность банков и других финансовых институтов). – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2017/mtg2/Item_04_Presentation_2_UNECE_Migration_CIS-STAT_Banks.pdf (дата обращения: 28.03.2024).

явление системное, без которого этнический анклав не приобрел бы свои проблемные свойства. Именно благодаря системности коррупция приобрела свой нынешний размах в сфере миграции. Об этом свидетельствуют, во-первых, масштабы и устойчивость незаконной иммиграции в России; во-вторых, целый ряд уголовных дел, возбужденных в последнее время.

2. Неуправляемая внешняя миграция и ее детище – этнический анклав – имеют связь с еще одним тревожным явлением. Речь идет о нарушении *этнокультурного баланса* российского общества, сформировавшегося веками. Именно на его основе сложилось мощное богатое государство, сумевшее создать уникальное единство множества народов. Кардинальная смена этнических и культурных пропорций российского общества, вытеснение на обочину истории его государствообразующего народа (интеграционного стержня) не только изменят его облик, но и могут стать причиной распада. А без государствообразующего народа не будет государства [13]. Для пессимистических предположений есть основания. Давно замечено, что «организация незаконной миграции является механизмом целенаправленного наполнения территории России неконтролируемой массой иностранных граждан, на которых распространяется юрисдикция страны их происхождения», становится возможным «нелегитимное присутствие иностранных государств на территории другого государства» [6. – С. 166]. Продолжающаяся массовая и неконтролируемая государством миграция, концентрация иммигрантов в ряде регионов страны уже заметно меняют этнокультурный состав населения. В этой связи представляется рациональным предложение Е. А. Трушковой о проведении постоянного мониторинга международной трудовой миграции, модель которого должна включать показатели, характеризующие как экономические, так и этносоциальные ее последствия. Это важно потому, что «миграционные процессы влияют на внутреннюю

раздробленность социума принимающей территории, тем самым вносят существенные изменения в развитие этногенеза» [18. – С. 377]. Но такой мониторинг, к сожалению, не проводится.

3. Очевидными стали *политические риски*, которые порождают и массовый характер иммиграции, и ее качество: организованность иммигрантов, склонных к образованию анклавов, и наличие у них экспансионистских установок.

Когда концентрация инокультурных иммигрантов в принимающем обществе достигает определенного предела, не исключена вероятность того, что хорошо организованные «гости» могут почувствовать себя хозяевами и диктовать принимающему населению свои условия. Также известно, что значительные по численности группы инокультурных иностранцев «постепенно становятся политической силой, способной влиять на политический процесс в муниципалитете, районе и даже стране приема» [11. – С. 63]. Признаки этого уже есть в России. Сам факт наличия сообществ, живущих по своим правилам (государства в государстве), несет в себе риски социальной дестабилизации, подрыва государственного единства и территориальной целостности. Это может выразиться в «публично-территориальных притязаниях (в том числе на территориальную единицу с персонифицированным режимом самоуправления/управления)» [9. – С. 55]. Примеры подобного развития событий известны (вытеснение одного этноса другим в Косово, повлекшее трагические последствия).

4. Сложно представить, что проблемная миграционная ситуация в одной стране не вызовет интереса у ее стратегических недругов. В этом плане особый интерес должны вызывать этнические иммигрантские сообщества постсоветского периода, тем более что на их примере можно увидеть деструктивное влияние извне на ухудшение качества человеческого капитала через приток неквалифицированных кадров со скромным уровнем общего обра-

зования; усугубление коррозии государственных институтов и подрыв доверия населения к власти с помощью поощрения коррупции; создание социальной напряженности. Для этого подходит и латентная оппозиционность иммигрантов, прибывающих в Россию с антироссийскими и экспансионистскими установками, готовностью жить по своим, а не российским правилам и законам. Всему этому не препятствует анклав. В последнее время очевидна активизация вовлечения иностранцев в экстремистскую и террористическую деятельность в целях нанесения существенно вреда Российской Федерации и ее населению. Эта тенденция проявилась 22 марта 2024 г. В совершении и подготовке террористического преступления в «Крокус Сити Холле» (исполнение, участие в организации, обеспечение финансирования) были задействованы представители именно тех иммигрантских сообществ, которые обладают анклавными признаками. Можно предположить, что определенные геополитические интересы угадываются в советах мирового сообщества в части увеличения миграционного потока в Россию, отмены минимальных барьеров для въезда в страну нежелательных гостей, ликвидации федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, уничтожения правовых различий между законными и незаконными мигрантами, расширения привилегий отдельным этнокультурным сообществам и др. Подобное присутствует в положениях Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (одобрен Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2018 г. № 73/195)¹, рекомендациях Всемирного банка², Международного валютного фонда, Международной организации по миграции. Кстати, государства, не при-

соединившиеся к Глобальному договору (США, Израиль, Венгрия, Польша, Чехия и др.), мотивировали свою позицию тем, что этот акт уничтожит разницу между законной и незаконной миграцией, не позволит государству выполнить обязанность перед своим народом по защите суверенитета и собственной территории от незаконных проникновений и др.

Соответственно, при определении этнического анклава иммигрантов (этнического сообщества иммигрантов с признаками анклава) применительно к российским условиям предлагается учитывать следующее: 1) его интеграционным стержнем выступает этнический теневой бизнес, в который в той или иной мере вовлечены все члены сообществ; 2) он состоит из представителей титульной нации другого государства; 3) его члены сохраняют культурно-религиозные особенности исторической родины, но в более радикальных формах; 4) сообщество является закрытым, четко структурированным, с жесткой дисциплиной; 5) его члены могут селиться компактно (в одном микрорайоне, районе города), дисперсно (в различных районах города), смешанно; 6) он не заинтересован в интеграции своих членов в принимающее общество; 7) в анклав поддерживаются тесные связи (коммерческие, финансовые, социальные, политические и др.) со страной исхода.

Таким образом, анклав в российских условиях можно считать прежде всего социально-экономическим явлением. В нашем обществе уже есть особые устойчивые сообщества иммигрантов, обладающие подобными характеристиками. Очевидны их несовпадения с российским социумом по ряду существенных позиций (от этических стандартов до асоциальных стратегий достижения целей). В этой связи следует говорить не только о противодействии образованию анклавов, но и о необходимости выработки мер для трансформации существующих анклавных образований в социально-приемлемые формы.

¹ URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/docs/gcm_russian.pdf (дата обращения: 30.03.2024).

² См.: Migrants, Refugees and Societies : World Development Report 2023. – Washington, DC : World Bank, 2023.

Помимо пересмотра основ миграционной политики, необходимо ее подчинение интересам всего российского общества, а не отдельных групп, получающих выгоду от внешней миграции. Для этого потребуются, во-первых, переосмысление сути, целей и ожидаемых результатов миграционной, демографической и национальной политики. В частности, необходимо определиться, является ли ценностью для политики сохранение России как уникального государства-цивилизации с ее этнокультурным составом населения. Для этого потребуются комплекс мер, затрагивающих различные сферы внутренней и внешней политики страны. Интеграция мигрантов в российское общество должна стать обязанностью иммигранта. Соответствующий институт сможет выступить эффективным средством противодействия образованию анклава. Основой и мерой построения интеграционной политики должна стать система традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. Именно эта система (а не мультикультуралистский культ меньшинств) открывает возможность для гармоничного сосуществования принимающего населения и иммигрантов.

Во-вторых, потребуются коррекция федерального законодательства о миграции и о межнациональных отношениях с целью минимизации незаконной миграции (не путем вычеркивания из текстов в законодательстве соответствующего понятия, а путем исключения возможности незаконного пребывания и труда иностранцев на территории России).

В-третьих, создать правовую базу и инфраструктуру для социокультурной адаптации и интеграции иммигрантов в российское общество [2. – С. 9–31]. Для того чтобы данная система преодолела затянувшуюся проектную стадию, она должна

отвечать следующим требованиям: быть обязательной для всех категорий иммигрантов; от успешности адаптации/интеграции иностранца должна зависеть возможность его дальнейшего пребывания в России; в создании интеграционной инфраструктуры и обеспечении ее работы (в том числе финансирования) должны участвовать все бенефициары внешней миграции (работодатели, посредники, этнические иммигрантские сообщества, сами иммигранты страны исхода); в законодательстве должны быть предусмотрены преференции для добросовестных участников.

В-четвертых, провести комплексные научные исследования этнических анклавных сообществ, включающих следующие блоки:

- социально-психологический (степень закрытости анклава, степень зависимости личности рядового члена от руководства, характер сформированной мотивации/немотивации на интеграцию в российское общество, наличие/отсутствие тенденции к сегрегации, проблемные стереотипы поведения, сформированные в стране исхода, и др.);

- социологический (специфика социального взаимодействия в сообществе, его иерархия и статусно-ролевые позиции, нормы и санкции для регулирования поведения его членов, референтная группа, особенности внутренней интеграции сообщества, степень его сплоченности и др.);

- социально-экономический (порядок расселения членов анклава, выяснение степени нагрузки на социальную сферу, установление соотношения потребляемых сообществом благ с налоговой отдачей от законно работающих членов анклава и др.);

- экономический (сфера экономической деятельности, в которой заняты члены анклава, особенности бизнеса, социально-трудовые отношения, условия и оплата труда, особенности найма, экономические связи со страной исхода и др.);

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

– культурологический и религиозный (этнокультурные и религиозные особенности членов этнокультурной среды, наличие радиальных форм в приверженности этнокультурным и религиозным традициям, ценностные представления и степень противопоставления «мы – они», этнокультурные и религиозные связи со страной исхода и др.);

– правовой (специфика осознанно-волевого индивидуального и коллективного поведения, создающего определенные юридические последствия, готовность/неготовность осуществлять деятельность в рамках правового поля, стереотипы правового поведения, сформированные в стране исхода, и др.);

– криминологический (преобладающие виды нарушений закона, личностные

качества нарушителей закона, предпосылки к совершению правонарушений и преступлений, склонности к совершению коррупционных преступлений и др.);

– политологический (наличие экспансионистских настроений, риски появления и развития сепаратистских тенденций, перспективы формирования политических интересов лидеров анклавного бизнеса, политические связи со страной исхода и др.).

Полученный таким образом комплексный портрет этнического сообщества даст основания для выработки мер по преодолению негативных тенденций, трансформации закрытого этнического анклава в социально приемлемую общность, а также позволит выстроить стратегию и тактику полноценной интеграции ее представителей в российское общество.

Список литературы

1. Андреева А. С., Иванова Н. С., Варшавер Е. А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 54–72.
2. Бажан Т. А. О концепции федерального закона о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в российское общество // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 11 (185). – С. 9–31.
3. Бедрина Е. Б., Паньшина Д. А. Этнические анклавы на картах современных мегаполисов: причины формирования и последствия // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты : сборник материалов V Тюменского Международного социологического форума. – Тюмень, 2017. – С. 553–557.
4. Бреер В. В. Модели толерантного порогового поведения (от Т. Шеллинга к М. Грановеттеру) // Проблемы управления. – 2016. – № 1. – С. 11–20.
5. Букалерева Л. А., Кашапов Р. М. Этнические анклавы как источник миграционной преступности: сравнительный анализ методов противодействия России и Дании // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 10А. – С. 97–107.
6. Виноградова Е. В., Кобзарь-Фролова М. Н., Сморчкова Л. Н. К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сфере противодействия формированию этнических анклавов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С. 161–174.
7. Гринченко Е. А. Социальные риски формирования этнических анклавов // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 3. – С. 122–139.
8. Гришковец А. А. Противодействие формированию этнических (полиэтнических) анклавов (административно-правовые аспекты) // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 3 (67). – С. 26–33.
9. Ирхин И. В. Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 2 // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 12 (181). – С. 44–57.

10. Исследование этнизации массового сознания русских в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, интеграции мигрантов в российское общество : аналитический отчет по результатам комплексного социологического исследования «Русские в Москве и Московской области». – М. : Фонд развития международных связей «Добрососедство», 2013.

11. Кононов Л. А. Развитие теоретических положений о противодействии анклавному образу жизни мигрантов в Российской Федерации // Вопросы этнополитики. – 2020. – № 3. – С. 59–69.

12. Михайлов А. П., Петров А. П. Дифференциальная модель социальной сегрегации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 9-1. – С. 23–29.

13. Муштук О. З. Этническое предпринимательство, теневая экономика и криминалитет // Обозреватель. – 2021. – № 1 (372). – С. 102–113.

14. Самарина Е. Л. Этнические анклавы и предпринимательская активность выходцев из стран Латинской Америки // Universum: Общественные науки : электронный научный журнал. – 2014. – № 2 (3). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-anklavy-i-predprinimatelskaya-aktivnost-vyhodtsev-iz-stran-latinskoy-ameriki/viewer> (дата обращения: 15.03.2024).

15. Соколов Д. А. Организация незаконной миграции в аспекте свободы передвижения и посягательств на суверенитет и безопасность государства // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2009. – С. 134–143.

16. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. – Книга 1 / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.

17. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги. – URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2023_1/ (дата обращения: 20.03.2024).

18. Трушкова Е. А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 377–392.

19. Ульянов М. В. К вопросу о сущности понятия «этнический анклав» // Вопросы безопасности. – 2023. – № 4. – С. 27–38.

20. Ус М. А. Влияние этнических анклавов на миграционную криминогенность в Хабаровском крае // Актуальные вопросы профилактики терроризма : сборник научных статей по материалам круглого стола. – Хабаровск : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, 2019. – С. 44–49.

21. Устойчивый уровень денежных переводов. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/09/B2B-resilient-remittances-dilip-ratha> (дата обращения: 28.03.2024).

22. Шутова А. А. Этнический анклав как фактор дестабилизации для государства // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации : сборник материалов I Международной научной онлайн-конференции, Екатеринбург, 24–25 сентября 2020 г. – Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. – С. 392–396.

23. Demireva N., Zwysen W. Ethnic Enclaves, Economic and Political Threat: An Investigation with the European Social Survey // Frontiers Sociology. – 2021. – Vol. 6. – P. 660378.

24. Solano G., Schutjens V., Rath J. Multifocality and Opportunity Structure: Towards a Mixed Embeddedness Model for Transnational Migrant Entrepreneurship // *Comparative Migration Studies*. – 2022. – N 3. – URL: <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00270-0>

25. Valenzuela-Garcia H., Parella S., Güell B. Revisiting the 'Ethnic Enclave Economy': Resilient Adaptation of Small Businesses in Times of Crisis in Spain // *International Journal of Anthropology and Ethnology*. – 2017. – N 5. – URL: <https://doi.org/10.1186/s41257-017-0008-5>

References

1. Andreeva A. S., Ivanova N. S., Varshaver E. A. Yavlyayutsya li Kotelniki etnomigratsionnym anklavom? Keys-stadi goroda-sputnika Moskvyy na predmet etnomigratsionnykh harakteristik ego zhiteley [Are Kotelniki an Ethnomigration Enclave? Case Study of the Satellite City of Moscow on the Subject of Ethnomigration Characteristics of Its Inhabitants]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Research and Practices], 2020, Vol. 5, No. 4, pp. 54–72. (In Russ.).

2. Bazhan T. A. O kontseptsii federalnogo zakona o sotsialnoy i kulturnoy adaptatsii i integratsii inostrannykh migrantov v rossiyskoe obshchestvo [On the Concept of the Federal Law on Social and Cultural Adaptation and Integration of Foreign Migrants into Russian Society]. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura* [Ethnosocium and Interethnic Culture], 2023. No. 11 (185), pp. 9–31. (In Russ.).

3. Bedrina E. B., Panshina D. A. Etnicheskie anklavy na kartah sovremennykh megapolisov: prichiny formirovaniya i posledstviya [Ethnic Enclaves on the Maps of Modern Megacities: Causes of formation and consequences]. *Dinamika sotsialnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva: regionalnye aspekty: sbornik materialov V Tyumenskogo Mezhdunarodnogo sotsiologicheskogo foruma* [Dynamics of the Social Transformation of Russian society: Regional Aspects. Proceedings of the 5th Tyumen International Sociological Forum, 2017]. Tyumen, 2017, pp. 553–557. (In Russ.).

4. Breer V. V. Modeli tolerantnogo porogovogo povedeniya (ot T. Shellinga k M. Granovetteru) [Models of Tolerant Threshold Behavior (from T. Schelling to M. Granovetter)]. *Problemy upravleniya* [Management Issues], 2016, No. 1, pp. 11–20. (In Russ.).

5. Bukalero L. A., Kashapov R. M. Etnicheskie anklavy kak istochnik migratsionnoy prestupnosti: sravnitelnyy analiz metodov protivodeystviya Rossii i Danii [Ethnic Enclaves as a Source of Migration Crime: a Comparative Analysis of Methods of Countering Russia and Denmark]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International law], 2023, Vol. 13, No. 10A, pp. 97–107. (In Russ.).

6. Vinogradova E. V., Kobzar-Frolova M. N., Smorchkova L. N. K voprosu o pravovom regulirovaniy obshchestvennykh otnosheniy v sfere protivodeystviya formirovaniyu etnicheskikh anklavov [On the Issue of Legal Regulation of Public Relations in the Field of Countering the Formation of Ethnic Enclaves]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn* [Legal Policy and Legal Life], 2024, No. 1, pp. 161–174. (In Russ.).

7. Grinchenko E. A. Sotsialnye riski formirovaniya etnicheskikh anklavov [The Social Risks of Forming Ethnic Enclaves]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2023, Vol. 12, No. 3, pp. 122–139. (In Russ.).

8. Grishkovets A. A. Protivodeystvie formirovaniyu etnicheskikh (polietnicheskikh) anklavov (administrativno-pravovye aspekty) [Countering the Formation of Ethnic (Multiethnic) Enclaves (Administrative and Legal Aspects)]. *Vestnik VIPK MVD Rossii* [Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, No. 3 (67), pp. 26–33. (In Russ.).

9. Irhin I. V. Natsionalno-etnicheskie anklavy v sovremennom mire: priroda, instrumenty regulyatsii (publichno-pravovoy aspekt). Chast 2 [National and Ethnic Enclaves in the Modern

World: Nature, Regulatory Instruments (Public Law Aspect). Part 2]. *Lex Russica (Russkiy zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2021, Vol. 74, No. 12 (181), pp. 44–57. (In Russ.).

10. Issledovanie etnizatsii massovogo soznaniya russkih v usloviyah massovoy trudovoy migratsii vnutri Rossii i iz-za rubezha, integratsii migrantov v rossiyskoe obshchestvo, analiticheskiy otchet po rezultatam kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya «Russkie v Moskve i Moskovskoy oblasti» [A Study of the Ethnization of the Mass Consciousness of Russians in the Context of Mass Labor Migration Within Russia and from Abroad, the Integration of Migrants into Russian Society, Russian Russians in Moscow and the Moscow Region Analytical Report on the Results of the Comprehensive Sociological Study "Russians in Moscow and the Moscow Region"]. Moscow, Fond razvitiya mezhdunarodnyh svyazey «Dobrososedstvo», 2013. (In Russ.).

11. Kononov L. A. Razvitie teoreticheskikh polozheniy o protivodeystvii anklavnomu obrazu zhizni migrantov v Rossiyskoy Federatsii [Development of Theoretical Provisions on Countering the Enclave Lifestyle of Migrants in the Russian Federation]. *Voprosy etnopolitiki* [Issues of Ethnopolitics], 2020, No. 3, pp. 59–69. (In Russ.).

12. Mihaylov A. P., Petrov A. P. Differentsialnaya model sotsialnoy segregatsii [Differential Model of Social Segregation]. *Mezhdunarodniy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2020, No. 9-1, pp. 23–29. (In Russ.).

13. Mushtuk O. Z. Etnicheskoe predprinimatelstvo, tenevaya ekonomika i kriminalitet [Ethnic Entrepreneurship, the Shadow Economy and Criminality]. *Obozrevatel* [Observer], 2021, No. 1 (372), pp. 102–113. (In Russ.).

14. Samarina E. L. Etnicheskie anklavy i predprinimatelskaya aktivnost vyhodtsev iz stran Latinskoj Ameriki [Ethnic Enclaves and Entrepreneurial Activity of Latin Americans]. *Universum: Obshchestvennye nauki: elektronniy nauchniy zhurnal* [Universum: Social Sciences: an Electronic Scientific Journal], 2014, No. 2 (3). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-anklavy-i-predprinimatelskaya-aktivnost-vyhodtsev-iz-stran-latinskoj-ameriki/viewer> (accessed 15.03.2024).

15. Sokolov D. A. Organizatsiya nezakonnoy migratsii v aspekte svobody peredvizheniya i posyagatelstv na suverenitet i bezopasnost gosudarstva [The Organization of Illegal Migration in Terms of Freedom of Movement and Encroachments on the Sovereignty and Security of the State]. *Novaya kriminalnaya situatsiya: otsenka i reagirovanie* [New Criminal Situation: Assessment and Response]. Moscow, Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2009, pp. 134–143. (In Russ.).

16. Strategiya-2020: Novaya model rosta – novaya sotsialnaya politika. Itogoviy doklad o rezultatah ekspertnoy raboty po aktualnym problemam sotsialno-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda [Strategy 2020: A New Growth Model – a New Social Policy. Final Report on the Results of Expert Work on Topical Issues of Russia's Socio-Economic Strategy for the Period up to 2020], book 1, edited by. V. A. Mau, Ya. I. Kuzminov. Moscow, Izdatelskiy dom «Delo» RANEPa, 2013. (In Russ.).

17. Struktura podozritelnykh operatsiy i otrasli ekonomiki, formirovavshie spros na tenevye finansovye uslugi [The Structure of Suspicious Transactions and the Sectors of the Economy that Formed the Demand for Shadow Financial Services]. (In Russ.). Available at: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2023_1/ (accessed 20.03.2024).

18. Trushkova E. A. Fenomen etnicheskikh anklavov i ego otrazhenie v nauchnykh issledovaniyakh [The Phenomenon of Ethnic Enclaves and Its Reflection in Scientific Research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology], 2018, Vol. 11, No. 3, pp. 377–392. (In Russ.).

19. Ulyanov M. V. K voprosu o sushchnosti ponyatiya «etnicheskiy anklav» [On the Issue of the Essence of the Concept of "Ethnic Enclave"]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 2023, No. 4, pp. 27–38. (In Russ.).

20. Us M. A. Vliyanie etnicheskih anklavov na migratsionnuyu kriminogennost v Khabarovskom krae [The Influence of Ethnic Enclaves on Migration Criminality in the Khabarovsk Territory]. *Aktualnye voprosy profilaktiki terrorizma: sbornik nauchnykh statey po materialam kruglogo stola* [Topical Issues of Terrorism Prevention: a Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the Round Table]. Khabarovsk, Rossiyskaya akademiya narodnogo hozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, Dalnevostochniy institut upravleniya – filial, 2019, pp. 44–49. (In Russ.).

21. Ustoychiviy uroven denezhnykh perevodov [A Steady Level of Money Transfers]. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/09/B2B-resilient-remittances-dilip-ratha> (accessed 28.03.2024).

22. Shutova A. A. Etnicheskiy anklav kak faktor destabilizatsii dlya gosudarstva [Ethnic Enclave as a Factor of Destabilization for the State]. *Ontologicheskie i sotsiokulturnye osnovaniya alternativnogo proekta globalizatsii: sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchnoy onlayn-konferentsii, Ekaterinburg, 24–25 sentyabrya 2020 g.* [Ontological and Socio-Cultural Foundations of the Alternative Project of Globalization: a Collection of Materials of the First International Scientific online Conference, Yekaterinburg, September 24–25, 2020]. Ekaterinburg, OOO «Izdatelstvo UMTs UPI», 2021, pp. 392–396. (In Russ.).

23. Demireva N., Zwysen W. Ethnic Enclaves, Economic and Political Threat: An Investigation with the European Social Survey. *Frontiers Sociology*, 2021, Vol. 6, p. 660378.

24. Solano G., Schutjens V., Rath J. Multifocality and Opportunity Structure: Towards a Mixed Embeddedness Model for Transnational Migrant Entrepreneurship. *Comparative Migration Studies*, 2022, No. 3. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00270-0>

25. Valenzuela-Garcia H., Parella S., Güell B. Revisiting the 'Ethnic Enclave Economy': Resilient Adaptation of Small Businesses in Times of Crisis in Spain. *International Journal of Anthropology and Ethnology*, 2017, No. 5. Available at: <https://doi.org/10.1186/s41257-017-0008-5>

Поступила: 09.04.2024

Принята к печати: 17.07.2024

Сведения об авторе

Татьяна Алексеевна Бажан

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник научной школы
«Высшая школа публичной политики»
РЭУ им. Г. В. Плеханова;
профессор кафедры финансового мониторинга
НИЯУ «МИФИ».
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 109992,
Москва, Стремянный пер., д. 36;
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
ядерный университет «МИФИ», 115409,
Москва, Каширское шоссе, д. 31.
E-mail: tbajan@mail.ru

Information about the author

Tatyana A. Bazhan

Doctor of Philosophy, Professor,
Leading Researcher of the Higher School
of Public Policy of the PRUE;
Professor of the Department of Financial
Monitoring of the MEPhI.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation;
National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute),
31 Kashirskoe Shosse, Moscow, 115409,
Russian Federation.
E-mail: tbajan@mail.ru